
К ВОПРОСУ О ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СТРАТИФИКАЦИИ ФРАНКОЯЗЫЧНЫХ КАНТОНОВ ШВЕЙЦАРИИ*

Е.Г. Дмитриева, З.А. Усманова

Кафедра иностранных языков филологического факультета
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена проблеме вариативности французского языка. Авторы затрагивают вопросы о многоязычии на территории Швейцарской конфедерации, а также проблемы лингвистической интерференции языков Швейцарии.

Ключевые слова: вариативность, многоязычие, языковая ситуация, гельвецизм, национальный вариант языка.

Интерес к проблемам, связанным с внешней вариативностью французского языка, определяется тем обстоятельством, что это его крупнейший маргинальный ареал, в котором проживает более 1% всех франкоговорящих жителей нашей планеты. Кроме того, современная лингвистика (и не только она) проявляет большой интерес к проблеме межкультурной коммуникации. А французский язык представляет собой чрезвычайно интересный и богатый материал для социолингвистических исследований: не многие языки мира имеют такое разнообразие лингвистических ситуаций. На его примере можно анализировать и моделировать все возможные языковые состояния. Достаточно сказать, что этот язык (наряду с другими языковыми образованиями) в той или иной форме охватывает 50 стран мира, расположенных на всех континентах (регион Океания географически относится к Австралии).

Статус его неодинаков. В одних случаях французский язык объявлен государственным, в других — используется в бытовом общении; в ряде стран — это основной язык, вытесняющий местные языки, в других — сам подвергается вытеснению, в-третьих — представляет собой реликт прежних языковых ситуаций. Это многообразие во многом объясняется бурной историей франкоязычных этносов.

Напомним, что языки Швейцарии не однородны. На ее территории сосуществуют две лингвогруппы — германская и романская. Последняя включает в себя три языка: французский, итальянский, ретороманский.

Языки Швейцарии можно определить как «единоустремленные» [1. С. 56].

Языковые зоны Швейцарии не являют собой неподвижных в языковом отношении гомогенных единиц. Значительные группы носителей данного языка постоянно проживают на территории иноязычных кантонов.

* Статья подготовлена в рамках Гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук (Конкурс — МК-2012) № МК-974.2012.6 по теме исследования «Национально-культурная специфика речевого поведения франкофонного сообщества».

По данным статиздания «Europe regional surveys of the World» за 2006 г., в столичном кантоне Берн зарегистрировано более 700 000 носителей немецкого языка, около 130 000 — французского, почти 40 000 — итальянского.

Подобное соотношение представителей различных языковых общин в пределах одного кантона инициирует процесс образования или распада зон двуязычия, который всегда перманентен, но не обязательно благостен. Не везде конституированное равноправие языков находит на практике свое адекватное воплощение. Так, в Валлисе (франкоязычный кантон Вале), где проживает немецкоязычное меньшинство и где законодательно введено равноправие языков, представитель немецкоязычной общины обязан говорить в кантональном Собрании только по-французски. В кантоне Фрибург, две трети населения которого говорит на французском и одна треть — на немецком, также официально сохраняется французский язык.

В то же время район Билль столичного кантона Берн, несмотря на преобладание там носителей немецкого языка, объявлен зоной двуязычия. Германский лингвист Б. Беш находит последнее решение неудачным. По его мнению, «ситуация конституированного билингвизма обычно приводит к функциональному свертыванию одного из языков, характерной чертой которого оказывается статичность, подтачиваемая явлениями флуктуации языковой системы, вследствие деструктивной активности контактирующего (в данном случае — французского) языка» [2. С. 27].

Тем не менее, достаточно стабильная языковая ситуация в альпийской республике, где языковая гетерогенность не привела к выделению германской лингводоминанты (а носителей немецкого языка там более 70%), свидетельствует в пользу отказа от попыток создать в ЕС жесткую лингвистическую институализацию.

Впрочем, упомянутый выше Б. Беш и здесь высказывает «диссидентскую» точку зрения, заявляя, что воздержался бы рекомендовать швейцарское решение языковых проблем в качестве образцового, считая, что швейцарский вариант «в слишком большой мере является делом самой истории Швейцарии» [2. С. 28].

Феномен многоязычия (или двуязычия как наиболее распространенной его формы) существует в разных «комплектациях».

Различают двуязычие индивидуальное и двуязычие территориальное. Первое определяют как «двуязычие путем наложения», второе — как «двуязычие путем соположения» [3. С. 2].

В случае с индивидуальным двуязычием оба языка употребляются на одной территории, но в разных функциях. Выбор языка зависит от сферы общения. Индивидуальное двуязычие может быть сплошным (распространяться на всю страну) или ограниченным. Примером сплошного многоязычия является Люксембург, ограниченного — ряд регионов Франции.

Территориальное многоязычие возможно в границах одной страны, там, где есть области, каждая со своим языком, который выполняет все мыслимые функции. Граждане такого государства могут не «включать» такой мощный культурный ресурс, как многоязычие. Они обладают свободой выбора: их не заставляют

пользоваться вторым языком. Примером страны территориального многоязычия является Швейцарская конфедерация, где более чем один язык (каждый в своем ареале) является государственным. При этом ни один из них не выбран единственным или главным для представления страны за рубежом или как язык-посредник для внутринационального общения [2. С. 24].

В XVII в. в Европе, а с XVIII в. — в России существовала мода на все французское, в том числе — на язык. Однако государственным французский язык стал далеко не у всех. В Швейцарии этот редкий лингвистический прецедент более связан не с культурологическими пристрастиями местной элиты, а с историческими причинами. Одна из них заключалась в том, что в Средние века на небольшой территории швейцарских кантонов проживало немногочисленное население, которое говорило на нескольких диалектах.

В условиях феодальной раздробленности перспектива создания единой лингвистической нормы была проблематичной. Авторитет же французского языка всегда был высок и устойчив. Язык западного соседа позволял жителям приграничных с Францией регионов в короткий исторический срок приобщиться к великой культуре и европейской политике.

Свою роль сыграла диалектная близость сопредельных франкопровансальского и швейцарского ареалов, что обеспечивало интенсивные лингвистические интерференции между ними. Следствием стал вышеобозначенный феномен, а также то обстоятельство, что кантональные разновидности франкошвейцарского национального варианта обнаруживают меньше отличий от языка метрополии, нежели региональные варианты языка немецкой Швейцарии — от центрально-германской литературной нормы.

Следует вновь подчеркнуть, что специфика лингвистических интерференций на территории Швейцарии всегда отличалась равноправием и толерантностью. Здесь никогда не существовало проблемы национальных меньшинств; напротив, швейцарская государственность конституировалась на почве уже сложившихся лингвокультурных общностей и постфактум юридически оформляла их. В альпийской республике были немислимы ситуации, подобные тому, что произошло с бретонским языком во Франции (почти исчезнувшим вследствие незаинтересованности государства в его сохранении) или с каталонским, подвергшимся гонениям в Испании.

Швейцарцы, напротив, явили миру лингвистический «хэппи-энд», связанный с воскрешением ретороманского языка, который итальянские лингвисты на протяжении полувека объявляли вымершим. Этот самый архаичный из языков романской группы был в 1938 г. объявлен четвертым национальным языком республики. Характерный факт: родным его считают 42 тысячи жителей альпийских высокогорных плато, тогда как на референдуме «за» ответили 572 129 граждан Швейцарии и всего 52 267 — «против».

Данный акт имел большие лингвистические последствия: появились двуязычные (германо- и итальяно-ретороманские) словари, разработаны грамматики, публикуются литературные тексты, открываются отделения ретороманского языка в вузах, растет интерес к ретороманскому в соседних странах. Материалы ретороманского языка все чаще вводятся в научный обиход языкознания.

Если ретороманский не имеет для Швейцарии того значения, как другие языки, то в научном отношении факт культивирования этого языка, его сохранения и фиксации современного состояния открывает широкие возможности не только для романского, но и для общего языкознания.

Языковеды черпают из этого архаичного языкового ареала интереснейшие материалы. Отметим такой тезаурус ретороманской культуры, как словарь Андреа Шорта. Для диалектологов и лингвогеографов ценным материалом является *AIS (Atlas Italo-Suisse)*, авторы которого включили в сетку исследования всю территорию распространения ретороманского языка (западный — граубюнденский, центральный — Доломиты, восточный — фриульский ареалы).

Эти два источника, словарь и атлас, дают возможность вскрыть глубинные слои древней истории ретороманского языка, провести стратиграфическое обследование ареала распространения, выявить реальные взаимоотношения в субстратном и начальном периодах его становления, и тем самым уточнить положение ретороманского в группе романских языков [4. С. 13].

Языковая ситуация, сложившаяся в ретороманской части Швейцарии, достаточно сложна. В этом регионе сталкиваются две тенденции: стремление к овладению престижным немецким литературным языком и стремление сохранить автономию местных ретороманских диалектов ретороманского литературного языка.

Нельзя не заметить, что сохранение самобытности ретороманского языка сопряжено с преодолением ряда препятствий. К таковым, в частности, относится отсутствие единой нормы, поскольку ретороманский практически реализуется в виде вариантов. В этой связи представители лингвистических кругов направляют усилия на искусственную реконструкцию надтерриториального (единого в пределах ретороманской Швейцарии) литературного языка «*Rumantsch Grischun*», который бы отвечал коммуникативным потребностям данной этнолингвистической общности.

Зоной распространения французского языка является западная часть Швейцарии (кантоны Во, Женева, Невшатель, Вале, Фрибург, Бернская Юра). Этот язык является вторым по численности носителей и по территориальному охвату в стране.

Местный литературный французский язык (далее мы будем определять его как франкошвейцарский национальный вариант) окончательно утвердился в середине XIX столетия, сменив в качестве средства делового и официального общения провансальский диалект. В своей литературной форме он в основном соответствует нормам, регламентируемым Французской академией, а наблюдающиеся различия оцениваются как незначительные.

Франкошвейцарской норме может быть противопоставлен язык, используемый в повседневном обиходе, который допускает значительные отступления от литературного стандарта (*Umgangssprache*). Это обстоятельство позволяет полагать, что существует особый региональный вариант франкошвейцарского языка.

Лингвисты уточняют, что этот региональный вариант — не континуум, на одном полюсе которого находится литературный стандарт, а на другом — диалект, но скорее — сам литературный язык в состоянии интерференции с местным диалектом [5. С. 96—97].

Региональный франкошвейцарский обслуживает преимущественно городское население, а в сельской местности он выступает как вспомогательный при общении носителей множества различающихся между собой мелких говоров — патуа, которые являются своеобразными реликтами былой франко-провансальской общности. Исключение составляют лишь зона Юры и примыкающая к ней незначительная по размерам часть территории Невшателя, говоры которых являются продолжением диалекта франш-конте на территории Швейцарии. Граница между французскими и франко-провансальскими говорами проходит по городу Ла-Шодо-Фон перпендикулярно государственной границе.

Есть, однако, и другие факторы, в частности, экстралингвистические. Швейцарский лингвист Э. Шюле [6. С. 43], соглашаясь с тем, что «...большое количество слов и выражений, характеризующих французский язык Швейцарии, перешли в него из патуа», добавляет, что этого факта «...недостаточно, чтобы объяснить все особенности нашего французского языка. В действительности мы находим в нем и другие, отличающиеся от стандартного французского языка, элементы; это, в частности, — термины официального кантонального и федерального языка, отражающие ту очевидную действительность, что мы живем не во Франции, а в другом государстве и что наша администрация — это не администрация Парижа».

Кроме того, существует проблема германского влияния, поскольку две чужеродные языковые общности — французская и немецкая — объединены в рамках одного государства. В частности, на немецком издаются законы и ведется официальная документация с последующим переводом на другие языки Швейцарии, в том числе — на французский. В переведенных текстах ощущается, следовательно, иноязычный отпечаток.

В этой связи швейцарские лингвисты говорят о «федеральном французском языке» (*le français fédéral*), как его принято называть в специальной литературе [7. С. 3].

Образцом такого языка является текст швейцарской конституции.

Что касается стремления остальных швейцарцев знать французский язык, то это связано также с поиском высокооплачиваемой и престижной работы. Большое количество «белых воротничков» во Французской Швейцарии — выходцы из немецких кантонов.

В целом языковая ситуация в альпийской республике характеризуется следующими параметрами.

Единственный центральный ареал среди национальных языков Швейцарии составляет самый малочисленный из них — ретороманский (при этом граубюнденский ретороманский является единственным исконно местным языком). Другие национальные языки представлены маргинальными ареалами: немецкий — южным, французский — восточным, итальянский — северным. Несмотря на то, что эти ареалы в исторической ретроспективе обособлены в одинаковой степени (в течение более 300 лет они отделены от своих центральных ареалов государственными границами), в них присутствует ряд дифференциальных черт. Сказалось

влияние других факторов: физико-географических (отсутствие в самом южном, тессинском кантоне препятствий в общении с итальянскими соседями) и лингвистических (единство франко-провансальского диалекта).

Последний, хотя и функционирует в трех государствах — Франции, Швейцарии и Италии, но проявляет удивительную лингвистическую «живучесть», продолжая сохранять свою самостоятельность и цельность.

Главной отличительной особенностью лингвистических интерференций, происходящих в швейцарском языковом союзе, является феномен непрерывных и тесных контактов между четырьмя национальными языками страны. Помимо лексических воздействий, это взаимовлияние с разной интенсивностью проявляется на всех уровнях языка — фонетическом, морфологическом, синтаксическом и даже стилистическом. Контактность последних двух уровней, в частности, сказывается на языке ретороманских писателей (и на развитии ретороманской литературы в целом).

В целом, интерференции с другими языками ярче всего проявляются в ретороманском, наиболее слабом звене швейцарского языкового союза. При этом элементы иноязычной речи не засорили ретороманский язык, а органически вошли в него и лексически обогатили.

Если суммировать, на каком же языке реально говорят в Швейцарии, то картина получается следующей. В сельских местностях — на диалекте своего родного языка. В городах — на литературном языке (письменном и/или устном, в которых могут встречаться совершенно особые явления, швейцаризмы или гельветизмы). В официальной обстановке — на любом из литературных языков.

Известная оторванность от основного ареала и высокая степень контактности характеризует французский язык Швейцарии, который имеет незначительные отклонения от центральнофранцузской литературной нормы. Германошвейцарскому литературному языку свойственна большая индивидуальность, что обусловлено более широким представительством местных диалектных особенностей. В то же время как разговорно-обиходный язык французский существенно отличается от литературной нормы, поскольку в нем представлены многочисленные диалектизмы и некоторые регионализмы.

Итак, можно констатировать, что лингвистические интерференции в швейцарском языковом союзе с наивысшей интенсивностью происходят (за исключением ретороманского языка) на диалектном уровне и в разговорно-обиходной речи. Что касается письменных литературных вариантов, то при исследовании текстов, в которых представлены все национальные языки Швейцарии, впечатления о наличии интенсивных интерференций на этом уровне не создается.

Многие словарные единицы существуют как в языке метрополии, так и в национальном варианте, но используются в разных значениях. В этом случае речь идет о семантических дивергентах, которые при одинаковой форме отличаются смысловым содержанием.

Примером может служить слово «*la cantine*», которое в метрополии имеет значение «столовая», а во французском языке Швейцарии обозначает палатку для

уличных праздников, где приглашенные могут поесть, потанцевать или послушать концерт. Ех.: «...les médailles datées, les rubans, les sceaux, les fourragères des champions, les lauriers, les armes, les trophées, les photographies des héros du clan groupés dans leur tenue de gloire, camisole d'athlète ou bredzon devant d'autres drapeaux encore, ou des cascades, ou des **cantines**, ou la devanture d'un café dans lequel s'assemblent les bienheureux» [9. С. 140].

Таким образом, в значении «tente dressée lors d'une fête en plein air» слово «*la cantine*» является семантическим дивергентом.

Другим примером подобного свойства является слово «*un comptoir*», обозначающее в швейцарском национальном варианте «выставку-продажу — «foire-exposition» [10. С. 251]. На языке метрополии этим словом называют прилавок в магазине, стойку. Ех.: «On m'avait demandé de diriger un **comptoir** de pêcherie de morues au Spitzberg» [11. С. 30]. В последнее время в Швейцарии начал употребляться его эквивалент из французского языка метрополии «une foire» (ярмарка, базар).

В швейцарском варианте французского языка встречаются заимствования из других европейских языков. Например, сорт кофе «*ristrette*» от итальянского «*ristretto*».

Некоторые слова представляют особый интерес как заимствования «второго порядка» (или «опосредованные»).

Слово «*un trax*», означающее вид бульдозера, было заимствованно из германошвейцарского варианта, куда пришло из американского варианта английского языка как сленговое сокращение слова «*traxavator*» (название торговой марки, образованное путем слияния «*track, tractor*» и «*excavator*»). Этимология данного заимствования интересна как пример влияния научно-технического прогресса на процесс словообразования.

Существуют примеры внедрения гельвецизмов в язык метрополии. Так, во Франции ассимилировано такое слово швейцарского происхождения как «*le chalet*». Ех.: «Devant la villa cousue du genre chalet suisse...» [9. С. 10]. В Швейцарии «*le chalet*» известно с начала XIV в. и имеет несколько значений. Первое значение — пастушья хижина. Ех.: «construction en bois et/ou en pierre des régions montagneuses (Alpes, Jura) où les vachers-fromagers séjournèrent à la belle saison pour s'occuper du bétail et confectionner le fromage».

Второе значение, благодаря которому это слово было заимствованно многими языками, в том числе и русским, — живописный домик в горах. Ех.: «maison de bois, au toit à versants inclinés et couvert de bardeaux ou de tuiles, servant le plus souvent de résidence secondaire mais assez bien aménagée pour être utilisée comme résidence permanente; construction de haute montagne, pouvant héberger plusieurs personnes à la fois» [10. С. 221].

Во Франции «*le chalet*» в первом значении вошло в употребление после издания «Новой Элоизы» Ж.-Ж. Руссо (1761 г.) Второе значение присутствует во французских словарях с 1867 г. Ех.: «maisonnette pittoresque, en bois, dans le style Suisse, qui sert d'habitation de plaisance» [8. С. 168]. «*Le chalet*» усвоено и швейцарским немецким языком (*Chalet* — *Schweizerhäuschen*, швейцарский домик).

Среди словообразовательных особенностей франкошвейцарского национального варианта отметим такие продуктивные типы, как «основа глагола + суффикс -ée» (*crachée, épécalée, gonflée, engeulée, salée, huchée*) и «основа глагола + суффикс -age» (*alpage, encavage*).

Интерес представляет использование в швейцарском варианте французского языка отглагольных прилагательных там, где в языке метрополии употребляется причастие прошедшего времени: *enfle* (вместо *enflé*), *trempe* (вместо *trempe*), *gonfle* (вместо *gonflé*) и *arrête* (вместо *arrêté*).

Из других стилистических особенностей языка франкошвейцарцев отметим формы выражения экспрессивности. Стилистически окрашенная лексика является лучшим способом выражения менталитета народа. Экспрессивность фразеологических единиц, междометий и конструкций, нехарактерных для французского языка метрополии, заключается в их выразительных возможностях: в способности дать исчерпывающую оценку обозначаемым явлениям, в способности выразить выделяющую эти явления характеристику.

В качестве примера приведем выражение «*payer le lard du chat*», которое употребляется только во французском языке Швейцарии и имеет значение «заплатить очень дорого».

Что касается внешних источников расширения словарного состава, то в основе этого процесса лежит то обстоятельство, что Швейцарская конфедерация развивалась в условиях многоязычия, и этот процесс традиционно отличался толерантностью. Французская Швейцария входит в романоязычный ареал наряду с итальянской и ретороманской частями. Эти языки лингвистически противостоят германской зоне (более 70% граждан Швейцарии говорят по-немецки). По-французски говорит каждый пятый ее житель.

Сформулируем следующие итоги проведенного исследования.

1. Лингвистическая идентификация французской Швейцарии во многом определяется присутствием гельвецизмов, морфологической основой которых стал синтез родственных диалектов — франсийского и локального франкопровансальского.

2. Французский язык активно взаимодействует с тремя другими национальными языками Конфедерации — немецким, итальянским и ретороманским (с 1938 г). Несмотря на несоразмерные «удельные веса», все четыре языка выступают как лингвистический кондоминиум. При этом наибольший интерес представляет лексика как наиболее подвижный состав языка, которая нагляднее всего раскрывает механизм интерференции контактирующих ареалов.

3. Франкошвейцарский вариант языка — развивающаяся структура, которая вытесняет диалекты, доминировавшие на ранних этапах развития, и обретает статус литературной нормы. Возрастающие запросы современного общества диктуют необходимость расширения ее словарного состава.

4. Помимо диалектального уровня, французский язык в Швейцарии характеризуется наличием локальных форм разговорной речи, которые можно назвать его региональным вариантом. При этом регионализмы фиксируются не только как устные, но и как письменные разновидности литературного языка.

5. Источниками регионализмов стали архаизмы и диалектизмы, внутреннее развитие языка (потеря первичной мотивации, метафорические и метонимические переносы), заимствования из соседних диалектных ареалов.

6. Лингвистические интерференции в швейцарском языковом союзе с наибольшей интенсивностью происходят на уровне разговорной речи. Что касается литературной нормы, то интерференции на этом уровне незаметны.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Якобсон Р.* Избранные работы. — М., 1985.
- [2] *Домашнев А.И.* К лингвистической характеристике немецкоязычного ареала Швейцарии // Лингвистическая карта Швейцарии. — Л., 1974.
- [3] *Брозович Д.* Славянские стандартные языки и сравнительный метод // Вопросы языкознания. — 1967. — № 1.
- [4] *Бородина М.А.* Становление и функционирование многоязычия в Швейцарии // Лингвистическая карта Швейцарии. — Л., 1974.
- [5] *Вышенский В.Б.* Французский язык в Швейцарии. — Л., 1974.
- [6] *Schüle E.* Documents de français régional actuel // Revue neuchâteloise: Defense et illustration de nos parlars. — 1971. — № 54.
- [7] *Knecht P.* La Suisse romande // La Suisse aux quatre langues. — Genève: Zoé, 1985.
- [8] *Larousse P.* Grand dictionnaire universel du XIXème siècle. — Paris: Administration du grand dictionnaire universel, 1867.
- [9] *Chessex J.* Portrait des Vaudois. — Lausanne: Aire, 1982.
- [10] *Thibault A., Knecht P.* Dictionnaire Suisse Romand: particularités lexicales du français contemporain (DSR). — Genève: Zoe, 2004.
- [11] *Cohen A.* Solal. — Paris: Gallimard, 1958.

LINGUISTIC STRATIFICATION OF THE SWISS FRENCH-SPEAKING CANTONS

E. Dmitrieva, Z. Usmanova

Peoples' Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article is dedicated to the variation of French language; the issues of multilingualism and linguistic transfer on the territory of Switzerland are also touched upon.

Key words: variation, multilingualism, state of language, helvetism, national variant of the language.